

УДК 821.161.1(09)-3
DOI 10.5281/zenodo.11639748

Смирнова А.К.

Смирнова Анастасия Константиновна, советник директора, преподаватель русского языка и литературы, Пермский химико-технологический техникум, 614101, Пермский край, г. Пермь, ул. Ласьвинская, 6. E-mail: aksmirnova@phtt.ru.

Традиции «петербургского текста» в творчестве Антона Секисова (на материале романов «Бог тревоги», «Комната Вагинова»)

Аннотация. В статье предпринят анализ романов Антона Секисова «Бог тревоги» и «Комната Вагинова» в контексте традиций «петербургского текста». Автор рассматривает произведения с точки зрения взаимодействия современного текста с классическими произведениями русской литературы, а также степени включенности их в петербургский свертхтекст. В качестве опорного теоретического материала используется теория В. Н. Топорова о кросс-жанровости, кросс-темпоральности и кросс-персональности «петербургского текста». В качестве материала для сравнительного анализа использованы тексты Даниила Хармса и Константина Вагинова, а также проанализированы отсылки к творчеству Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, содержащиеся в произведениях Антона Секисова. Автор приходит к выводу, что в романах Антона Секисова содержатся признаки «петербургского текста»: присутствуют типичные образы героев, живущих на грани жизни и смерти, Петербург представлен в текстах, как географическая локация с традиционно воспроизводимыми в художественных произведениях улицами и проспектами, памятниками культуры и как самостоятельный отрицательный герой, наделенный мистической силой; развиваются устойчивые лейтмотивы скорой и неизбежной гибели главного героя вследствие губительной силы города.

Ключевые слова: «петербургский текст», традиции «петербургского текста», современная русская литература, Антон Секисов, Константин Вагинов, Даниил Хармс.

Smirnova A.K.

Smirnova Anastasia Konstantinovna, Advisor to the Director, teacher of Russian language and literature, Perm Chemical-Technological College, 614101, Perm region, Perm, st. Lasvinskaya, 6. E-mail: aksmirnova@phtt.ru.

Traditions of the «Petersburg text» in the works of Anton Sekisov (based on the novels «The God of Anxiety», «Vaginov's Room»)

Abstract. The article analyzes Anton Sekisov's novels «The God of Anxiety» and «Vaginov's Room» in the context of the traditions of the «Petersburg text». The author examines the works from the point of view of the interaction of modern text with classical works of Russian literature, as well as the degree of their inclusion in the Petersburg supertext. The theory of V. N. Toporov about cross-genres, cross-temporality and cross-personality of the «Petersburg text» is

used as supporting theoretical material. Texts by Daniil Kharms and Konstantin Vaginov were used as comparative material, and references to the works of N. V. Gogol and F. M. Dostoevsky contained in the works of Anton Sekisov were also analyzed. The author comes to the conclusion that Anton Sekisov's novels contain signs of a «Petersburg text»: there are typical images of heroes living on the brink of life and death, Petersburg is presented in the texts as a geographical location with streets and avenues traditionally reproduced in works of art, cultural monuments and as an independent negative hero endowed with mystical powers; stable leitmotifs of the imminent and inevitable death of the protagonist due to the destructive power of the city develop.

Key words: «Petersburg text», traditions of the «Petersburg text», modern Russian literature, Anton Sekisov, Konstantin Vaginov, Daniil Kharms.

Русская литература последних десятилетий переживает серьезные изменения. Постмодернизм, долгое время бывший главенствующим литературным направлением, оказался смещен новым реализмом. М. Липовецкий [3] говорит о мейнстримности постмодернизма и расцвете историографической метапрозы и нового автобиографизма. В. Пустовая [6] рассматривает новый реализм в контексте не постмодернизма, а традиционного реализма. Основными приметам нового реализма называют доскональное, зачастую автобиографическое описание современных реалий через призму авторского мироощущения. Герои произведений – «маленькие» или «лишние» люди, ведущие маргинальный или околомаргинальный образ жизни. Примеры такой прозы мы можем увидеть в творчестве М. Елизарова, Р. Сенчина, К. Рябова. Постмодернизм, долгое время считавшийся основным направлением новой русской литературы, с его отсутствием интереса к судьбе современного человека, размытыми границами, использованием гибридно-цитатного сверхязыка симулякров [9], постепенно уходит в прошлое, однако мы всё равно видим его проявления в творчестве В. Пелевина, В. Сорокина, Д. Пригова. А что такое во всём этом «петербургский текст»? Существует ли он сейчас? «Петербургский текст» – это тема множества исследований и дискуссий.

Цель нашей работы – выявить приметы «петербургского текста» в творчестве Антона Секисова.

Гипотеза – романы Антона Секисова «Бог тревоги» и «Комната Вагинова» –

литературный диалог между авторами «петербургского текста» разных поколений.

Впервые о «петербургском тексте» и петербургском мифе заговорил Н. П. Анциферов: «По истине Петербург город на костях человеческих. Туманы и болота, из которых возник город, свидетельствуют о той египетской работе, которую нужно было произвести, чтобы создать здесь, на зыбкой почве, словно сотканной из туманов, этот "Парадиз". В природе нет ничего устойчивого, ясно очерченного, гордого, указывающего на небо, и всё снизилось и ждёт смиренно, что воды зальют печальный край» [1, С. 30]. Уже тогда, более сотни лет назад Анциферов описал мистическое происхождение города, явное соотношение природного и потустороннего, а также предрёк его крах: «Великая катастрофа веет над ним, как дух неумолимого рока. Петербург – город трагического империализма» [1, С. 31]. В своей работе Анциферов проследил развитие художественного образа Петербурга. В творчестве Сумарокова, Державина, Ломоносова, Батюшкова – это блистательная северная столица, Северная Пальмира; здесь уже возникает мотив борьбы человека со стихией, но это не губительная схватка. В «Медном всаднике» Пушкина происходит зарождение петербургского мифа: город двойственен, небо – бледно-зеленое, жители – невинно заключенные в этой прекрасной тюрьме, а основатель Петербурга озарен божественным светом. У Гоголя Петербург – город двойного бытия, «образ города гнетущей прозы и чарующей фанта-

стики» [1, с. 81]. Однако самой важной, на наш взгляд, является следующая характеристика Петербурга: «Раздвоенность личности результат действия Петербурга, раздавливающего слабую индивидуальность» [1, с. 83].

Ю. М. Лотман в предисловии к «Трудам по знаковым системам» писал, что Петербург рассматривается исследователями одновременно и как текст, и как механизм порождения текстов [4, с. 3].

Академик В. Н. Топоров в статье «Петербург и "петербургский текст" русской литературы» выводит лингвистические, семантические и даже климатические признаки «петербургского текста», говорит об обязательных компонентах, определяющих принадлежность произведения к данному направлению: кроссжанровость, кросс-темпоральность, кросс-персональность. «Петербургский текст – это мощное полифоническое резонансное пространство, в вибрациях которого уже давно слышатся тревожные синкопы русской истории и леденящие душу «злые» шумы времени» [10, с. 66].

Однако В. Шмид придерживается мнения, что «петербургский текст» – это продиктованный романтизмом набор приёмов и образов, а вовсе не отдельное направление [12].

Мы остановимся на точке зрения В. Н. Топорова и будем проводить сравнительный анализ художественных текстов, основываясь на мысли: «В Петербургском тексте русской литературы отражена квинтэссенция жизни в "лиминальном" состоянии, на краю, над бездной, на грани смерти, и намечаются пути спасения» [10, с. 65].

По В. Н. Топорову основателями традиции «петербургского текста» были Пушкин и Гоголь (Топоров не противоречит мысли Анциферова о том, что Пушкин – последний певец светлой стороны Петербурга), Достоевский гениально объединяет в творчестве своё и чужое, тем самым осознанно подходит к традиции «петербургского текста», Белый и Блок обращаются к теме тогда, когда интеллигенция уже активно муссирует миф

о мистическом пафосе Петербурга, Ахматова и Мандельштам застали конец Петербурга и были одними из последних свидетелей существования «петербургского текста», а закрыл тему Петербурга в русской литературе Константин Вагинов.

Топоров допускает некоторое противоречие: с одной стороны говорит о смерти Петербурга и «петербургского текста» (смерть эпохи Петербурга и рождение Ленинграда мы наблюдаем в романе «Козлиная песнь» К. Вагинова), с другой – он рассматривает Петербургский текст как «некий синтетический сверхтекст, с которым связываются высшие цели и смыслы, единство которого создается общностью художественного языка и субтекстовых образований» [10, с. 23].

Соответственно, гибель Петербурга и его последующее возрождение в девяностые годы двадцатого века не смогли отменить традиции «петербургского текста». Многие исследователи отмечали ироническую тенденцию – лучше всего о Петербурге написали авторы, приехавшие из Москвы (Пушкин, Гоголь, Достоевский), мы же обратимся к анализу творчества Антона Секисова, современного писателя, являющегося коренным москвичом по происхождению.

Антон Секисов – молодой писатель, автор книг «Кровь и почва», «Бог тревоги», «Комната Вагинова» и «Зоны отдыха», номинант премий «Дебют» (2015), «Национальный бестселлер» (2021), в 2024 году вошел в длинный список XIX сезона Национальной литературной премии «Большая книга». Резидент Дома творчества писателей Переделкино. Публиковался в литературных журналах «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов». Внимание широкой аудитории он получил в 2023 году, когда совместно с книжным онлайн-сервисом «Букмейт» выпустил аудиосериал «Комната Вагинова», который впоследствии вышел на бумаге в издательстве «Альпина. Проза».

Сравнительный анализ произведений Секисова и произведений известнейших

творцов «петербургского текста» следует начинать с романа «Бог тревоги», который был опубликован в 2021 году. Лирический герой принимает нерациональное в современных реалиях решение – переезжает из Москвы в Петербург, обосновывая это желанием написать что-то настоящее и тяжеловесное, стать значительным писателем. «Только здесь я смогу стать счастливым – но, конечно, не простым солнечным счастьем обывателя, а изощренным счастьем городского невротика, помещенного в свою родную невротическую стихию» [7, с. 48]. С первых страниц автор старательно погружает читателя в традиции «петербургского текста» – герой иронически боится, что его снесет ливень, ураган, украдут цыгане, город просто его не примет. Автор рисует героя достаточно образованным человеком, который точно знает, что переезжает в город Хармса, Гоголя, Достоевского, который знает всё про мистические места города, его тайную силу. Герой выбирает смотреть на жизнь сквозь призму символов, знаков, разломов реальности. Петербург он неоднократно называет Чертоградом (отсылка к Зинаиде Гиппиус), квартира, которую он снимает вместе с другом (представителем андеграундной литературной тусовки Петербурга Константином Сперанским), выглядит как логово подводного бога Дагона: «Вся в грязно-зеленых тонах липкая и сырая, с запахом протухшей рыбы из неведомо какого угла» [7, с. 30], прохожие под капюшонами вместо лиц таят сгустки тьмы, по улицам ходят только сумасшедшие старухи и инвалиды, реки наполнены гниющей водой и дурно пахнут, вечно идет дождь со снегом, в центре города почти всегда пустынно, каждый герой точно знает, что прикосновение к лапам сфинксов на Университетской набережной чревато сумасшествием, но каждый хотя бы один раз к ним прикасается.

Фабула сюжета такова: герой приезжает писать роман, вместо этого осциллирует в кружке метамодернистов Лехи

Никонова (современный поэт), теряет зубы, лечит зубы в плохой стоматологии у плохого врача, получает ссылку на публикацию с точной датой своей смерти, пытается отыскать свою могилу на сразу всех кладбищах Петербурга, чувствует физическое и моральное истощение, ничего не пишет, медленно растворяется в хтоническом ужасе, бежит от своего преследователя, совершает убийство, продиктованное самим городом, получает ответы в соответствии с традицией жанра.

В романе мы видим некий диалог, некий оммаж к Константину Вагинову – писатель при жизни довольствовался малым, жил в коммуналке, любил посещать литературные кружки, уважал прошлое и не стремился дожить до будущего. Биографы Вагинова вспоминают, что он не признавал света электрических ламп и жил со свечами. Сосед по коммуналке из лучших соображений бесплатно провел писателю электроэнергию, из скромности Вагинов не стал возражать, но и не пользовался этим благом цивилизации [5]. В романе «Бог тревоги» арабский шейх Снегирев дает герою совет, который он осмысляет так: «Секрет выживания в Петербурге – это яркие лампочки. Нужно, чтобы их было как можно больше, и чтобы они горели всегда, ведь я переезжаю в мрачнейший город Земли в самое мрачное время года» [7, с. 35].

В творчестве Хармса образ старухи – один из сквозных образов. В одноименной повести данный персонаж впервые появляется во дворе: «На дворе стоит старуха и держит в руках стенные часы. Я прохожу мимо старухи, останавливаюсь и спрашиваю ее: "Который час?"» [11, с. 243]. Этот эпизод запускает череду абсурдных событий в жизни героя-писателя. В романе Секисова «Бог тревоги» писатель встречает старуху возле своего нового дома в Петербурге: «Старуха возле подъезда, с беспокойством следившая за каждым моим движением, посмотрела туда же, куда и я, и вдруг захихикала» [7, с. 16]. Смех старухи прово-

цирует испуг героя, потому что ему начинает казаться, что они вместе смотрят на одно и то же – повесившегося монаха. В следующий раз герой встречает старуху в более благополучных обстоятельствах, когда переезжает в «...Привилегированный буржуазный район, построенный здесь как бы назло этой мировой столице депрессии и мрачного помешательства, но всё равно оказался в самом ее эпицентре» [7, с. 213]. Описание внешности старухи напоминает одновременно старуху-процентщицу из Достоевского и старуху из Хармса: «У нее было желтое волосатое лицо и волосатое пальто без цвета, розовая нашлепка-шляпа, острые и въедливые, как будто царапающие мир маленькими гвоздями, глаза» [7, с. 169]. И если в начале произведения старуха лишь хихикает, то ближе к финалу она как будто провоцирует самоубийство соседки: «Труп соседки лежал в том умозрительно начертанном мной круге, в который каждый раз, изо дня в день, выстраивались вороны в ожидании обеда» [7, с. 212]. Кормила ворон, конечно, старуха.

В «Старухе» Хармса герой считает, что все пошло наперекосяк, потому что он вышел из дома. Здесь мы наблюдаем примерно то же самое: «Уже несколько раз я выходил из дома полный сил, но слабый очаг беспокойства, который я даже не замечал, раздуваемый этим огромным небом, отраженный от гранитных камней и стен, разгорался в груди так сильно, что мне приходилось возвращаться домой, опустошенным, измученным» [7, с. 98].

Описание города и его жителей в романе «Бог тревоги» строится в рамках традиции предшественников: Петербург пустынный, ледяной, пронизывающий, мокрый, не предназначенный для жизни, грязный, захлащенный, туманно-зыбкий, обманчивый. Место, в котором герой снимает квартиру, меньше всего похоже на привлекательный и удобный район современного города: «мрачный мир Выборгской стороны, мир недействующих заводов и заброшенных тюрем» [7, с. 60].

Описание главной улицы Петербурга тоже в соответствии с Гоголем: «любые следы на Невском проспекте мгновенно тают. Здесь был все тот же чудовищный маскарад, что и всегда» [7, с. 187].

В роман вписано большое количество реальных людей и современников Антона Секисова – Максим Тесли, Валерий Айрапетян, Евгений Алехин, Константин Сперанский, Лёха Никонов, при этом автор в интервью в рамках фестиваля «Книжные маяки Петербурга» дает пояснение, что эти герои действительно настоящие и живые, с оригинальными характерами – прием был необходим, чтобы придать сюжету романа реальность, погрузить нас в реальные события на фоне ирреально-эсхатологических.

В романе проскальзывают и мотивы двойничества, которые так любил Достоевский. Герой Секисова неоднократно слышит от своих друзей, что где-то видели человека, удивительно схожего с ним, но гораздо более благополучного, случайная знакомая утверждает, что пёс писателя точь-в-точь, как ее собственный, только у нее – белый пудель, а там – чёрный. Но у героя нет собаки, зато она есть у его поклонника. В заключительной части романа, когда главный герой доведен до предела поисками своей могилы и происками своего двойника, он вдруг слышит голос самого Петербурга: «О последствиях даже задумываться не стоит. Последствия будут самые мягкие. Просто в ответ на вопрос, зачем ты его убил, скажешь, что убить тебя вынудил город Санкт-Петербург. И вообще, убил ты не человека, а то ли своего темного двойника, то ли ожившую карту Таро, а может, и самого черта» [7, с. 239].

Продолжается и в полной мере воплощается традиция «петербургского текста» в романе Антона Секисова «Комната Вагинова». Чем известен Константин Вагинов? Смертью Петербургского текста (с точки зрения В. Н. Топорова), членством в огромном множестве литературных объединений своего времени, романом «Козлиная песнь» – про конец Петербурга и рождение Ленинграда, а

также романами «Бамбочада» и «Гарпагониана».

Роман «Комната Вагинова» отсылает нас к самым известным персонажам и сюжетным линиям творчества последнего писателя Петербурга. Фабула произведения такова: абсолютно неприспособленный к самостоятельной жизни филолог Сеня на пороге тридцатилетия предпринимает отчаянный шаг, съезжает от родителей и заселяется в коммуналку на Канале Грибоедова, в одной из комнат которой когда-то жил и творил Константин Вагинов; чтобы написать роман о великом писателе для серии «ЖЗЛ». «То, что ему удалось найти комнату в том же доме, на третьем же этаже, где жил его любимый писатель, - большая, даже невероятная удача. Но Сене хочется пойти дальше: ему нужна та самая комната с тем же видом. Он и сам до конца не знает, что это даст, но чувствует, что так надо» [8, с. 18].

Коммуналка населена жильцами в соответствии с законом жанра: ни одного нормального соседа, ни одного обычного человека. Девушка по имени Лена с точки зрения Сени выглядит очень странно: «Какая-то странно цветущая, с неестественно здоровым цветом лица. Живет в Петербурге, но прямо-таки пышет здоровьем: румянец, щеки и губы – всё наливное. В этом заключена какая-то тайна» [8, с. 29]. Конечно, когда ты с детства живешь с ощущением, что вода всего мира сообщается между собой, а значит, морские чудовища могут быть, где угодно, очень сложно воспринимать человека, не подверженного губительной силе Петербурга. Лена, как и большинство героев «петербургского текста», нигде не работает, зато ведет популярный канал «Великая мать енотов» в социальной сети «ТikTok». Енота зовут Николаем Васильевичем, в каждом видеоролике он уничтожает писчую бумагу. «Николай Васильевич уничтожает второй том "Мертвых душ, эпизод №"» [8, с. 37].

Артём, молодой человек 37 лет, также нигде не работает, зато страстно увле-

кается древнегреческой философией, посещает тренажерный зал и держит в плену Нину – девушку своего единственного друга Володи. Володя смертельно болен, а виновата в этом, по мнению Артема, Нина.

Неаполитанец Гаэтано, приехавший когда-то в Петербург фотографировать местных для дипломной работы, медленно спивается, проводит время в низкопробных пивных заведениях, общаясь с пьяницами и фотографируя исключительно их же. Живет в Петербурге на нелегальном положении и, кажется, давно не платит за коммуналку. Жильцы удивительно равнодушны к порокам друг друга, однако пребывание Гаэтано в самом мрачном городе Земли регулярно становится темой обсуждения: «Зачем переезжать из идеального Петербурга в неидеальный? Зачем тебе эти сосули, грязь, холод?» [8, с. 26]. Анфертьев из «Гарпагонианы» Вагинова мечтал об Италии, но жил в Ленинграде: «Иногда мне хочется уехать в Италию, но не политическую Италию, не в географическую, а в некую умопостигаемую Италию, под чудное, одновременно физическое и не физическое солнце» [2, с. 267].

Самым неприятным из обитателей коммуналки, по общему мнению, является обманутый дольщик Сергачёв, который абсолютно не реагирует на бытовые и физические неудачи, разъезжает по городу на ржавой «четверке» с видом наследного принца и сочиняет плохие стихи. Лена рекомендует Сене не связываться с Сергачевым: «Подцепишь от него невезучесть. У него несчастливая аура. Поговоришь с ним пару минут – и сразу захочешь покончить с собой» [8, с. 34].

Естественно, у коммуналки есть хозяйка, которая, во-первых, не стремится получить с жильцов деньги, скорее, даже избегает этой процедуры, а, во-вторых, предается размышлениям в стиле героев Константина Вагинова: «А вы знали, что человек видит сны круглосуточно, даже когда не спит? Просто разум их подавляет» [8, с. 15].

Петербург наравне со всеми героями играет свою роль: изображен в традиционном для Петербургского текста грязно-зелено-болотном цвете, на улице всё время ледяная метель: «Улицы погребены под снегом, и нельзя понять, где кончается дом и начинается тротуар» [8, с. 31], кругом падающие с крыш и убивающие случайных прохожих глыбы. «Сейчас любой выход на улицу – это лотерея со смертельным исходом» [8, с. 24], – именно такой позиции придерживаются жильцы «Комнаты», выходя из дома неохотно и только по крайней необходимости. В мистический образ Петербурга стройно ложится жизнь гарпий, присутствие которых кажется героям обыденным, лишь изредка вызывает ленивые споры: кто же оставляет следы на снегу – гарпии, гаргульи или нетопыри? Герои осознают, что живут в городе, где всё не настоящему, как во сне.

В центре повествования находится вовсе не Сеня с его идеей написания книги для серии «ЖЗЛ», Сеня, в силу своих душевных качеств, не способен быть главным героем, во главе – история Артёма и Нины. В образе Артёма мы видим диалоги с персонажами Вагинова, бывшими классификаторами и систематизаторами. «Классификация, собственно, оформление мира» [2, с. 240]. Вагиновские герои коллекционировали всё, что хоть как-то могло удержать их от краха и смерти в этом переродившемся в Ленинград Петербурге. Артём, желая удержать свою жизнь в рамках, подчиняет её ход четким правилам и приметам. Он постоянно что-то читает, выискивает указания между строк, мыслительный процесс, происходящий в его голове, остается загадочным и для него самого. «Геракл без подвигов, Геракл в вечном тренировочном лагере. Вся его жизнь – подготовка» [8, с. 132]. К чему готовится Артём? Вероятно, вершина его подвига – спасение больного друга через удержание в плену Нины.

В романе «Комната Вагинова» появляются и персонажи других авторов Петербургского текста. Хармсовская стару-

ха, толкающая в предыдущем романе Секисова окружающих к суициду, в этом произведении является Артему, когда тот пребывает в подростковом возрасте. Старуху никто не видит и не помнит, но он точно знает, что она наслала проклятье на отца и довела его до смерти. В сознании Артема старуха сливается с мерзкими гарпиями и символизирует мучения.

И в «Боге тревоги», и в «Комнате Вагинова» губительная сила водной стихии Петербурга активизируется в рамках квартир главных героев – и там, и там мы видим сцены потопа. «Вода прибывает стремительно, но незаметно из-за царящей повсюду тьмы» [8, с. 144]. «Но я с не меньшим спокойствием наблюдал умирание нашей квартиры, я готов был уйти под воду вместе с этой Венецией, вздвинутой из яичных коробок» [7, с. 190].

Несколько раз Антон Секисов возвращается к эпизоду, связанному с обрезками человеческих ногтей. В «Гарпагонии» Жулонбин (квартира, которого тоже пережила наводнение и покрыта плесенью) теряет коллекционный ноготь Уленбекова. «Одно неловкое движение, и ноготь провалился бы в щель» [2, с. 190]. У Секисова ноготь Артёма исчезает в щели пола, но если у Вагинова этот процесс – интимный, то здесь есть безмолвный свидетель – крепко связанная пленница Нина. Совсем неожиданно к теме ногтей мы возвращаемся при знакомстве с Володей, который: «Всё мечтал написать книгу об обрезке ногтя, похожем на полумесяц» [8, с. 149].

Финал «Комнаты Вагинова» ясен и подробен. Мы получаем ответы на все вопросы, кроме одного: «В какой из комнат коммунальной квартиры на Канале Грибоедова жил последний писатель Петербурга Константин Вагинов?»

Заключение.

Герои Антона Секисова пребывают в состоянии на грани жизни и смерти, постоянно заглядывают в мир потустороннего, живут в Петербурге и с Петербургом. Их существование не подразумевает ни денег, ни работы, ни семьи, ни устойчивого развития. Они погружены в лимит-

нальное состояние и вряд ли самостоятельно захотят покинуть его. Герои, желающие добиться успеха на литературной почве, получают до неизбежности тесный опыт взаимодействия с самой темной стороной Петербурга. Мы видим ирони-

ческое обращение к образам и приёмам Хармса, Пушкина, Гоголя, Достоевского и Вагинова. Это действительно литературный диалог в рамках традиции «петербургского текста».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анциферов Н.П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов; грав. на дереве А. П. Остроумовой-Лебедевой. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
2. Вагинов К. Избранное: Поэзия, Проза / Вагинов К. / Вступ. Ст. Е.Кузнеця. М.: Книжный клуб Книговек, 2015. 384 с.
3. Липовецкий М. ПМС (Постмодернизм сегодня) // Знамя: сетевой журн. 2002. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1737> (дата обращения: 15.04.2024).
4. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Ученые записки Тартусского государственного университета. 664. Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Вып. XVIII. С. 30-45
5. Никольская Т. Константин Вагинов, его время и книги // Конст. Вагинов. Полное собрание сочинений в прозе. СПб: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 5-12.
6. Пустовая В. Пораженцы и преображенцы // Октябрь: сетевой журн. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2005/5/porazhency-i-preobrazhency.html> (дата обращения: 15.04.2024).
7. Секисов А. Бог тревоги: роман / Антон Секисов. СПб.: Лимбус Пресс, ООО Издательство К. Тублина», 2022. 272 с.
8. Секисов А. Комната Вагинова / Антон Секисов. М.: Альпина нон-фикшн: Букмейт, 2023. – 256 с.
9. Скоропанова И. Русская постмодернистская литература:90-е годы // Наука о литературе в XX веке: (История, методология, литературный процесс). 2001. С. 283- 300.
10. Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды / В.Н. Топоров. Санкт-Петербург: «Искусство-СПБ». 2003. 616 с.
11. Хармс Д. Малое собрание сочинений / Даниил Хармс. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 736 с.
12. Шмид В. Что такое «Петербургский текст?» // Существует ли Петербургский текст?: сб. ст. / под ред. В. М. Марковича, В. Шмида. Вып. 4. СПб., 2005. С. 11.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Anciferov N.P. Dusha Peterburga / N. P. Anciferov; grav. na dereve A. P. Ostro-umovoj-Lebedevoj. SPb.: Brokgauz-Efron, 1922. 226 s.
2. Vaginov K. Izbrannoe: Pojezija, Proza / Vaginov K. / Vstup. St. E.Kuzneca. M.: Knizhnyj klub Knigovek, 2015. 384 s.
3. Lipoveckij M. PMS (Postmodernizm segodnja) // Znamja: setevoj zhurn. 2002. URL: <https://znamlit.ru/publication.php?id=1737> (data obrashhenija: 15.04.2024).
4. Lotman Ju.M. Simvolika Peterburga i problemy semiotiki goroda // Semiotika goroda i gorodskoj kul'tury. Uchenye zapiski Tartusskogo gosudarstvennogo universiteta. 664. Trudy po znakovym sistemam. Tartu, 1984. Vyp. XVIII. S. 30-45
5. Nikol'skaja T. Konstantin Vaginov, ego vremja i knigi // Konst. Vaginov. Polnoe so-branie so-chinenij v proze. SPb: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij proekt», 1999. S. 5-12.
6. Pustovaja V. Porazhency i preobrazhency // Oktjabr': setevoj zhurn. 2005. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2005/5/porazhency-i-preobrazhency.html> (data obrashhenija: 15.04.2024).

-
7. Sekisov A. Bog trevogi: roman / Anton Sekisov. SPb.: Limbus Press, OOO Izdatel'stvo K. Tublina», 2022. 272 s.
 8. Sekisov A. Komnata Vaginova / Anton Seksiov. M.: Al'pina non-fikshn: Bukmejt, 2023. – 256 s.
 9. Skoropanova I. Russkaja postmodernistskaja literatura:90-e gody // Nauka o literature v HH veke: (Istorija, metodologija, literaturnyj process). 2001. S. 283- 300.
 10. Toporov V.N. Peterburgskij tekst russoj literatury: Izbrannye trudy / V.N. To-porov. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo-SPB». 2003. 616 s.
 11. Harms D. Maloe sobranie sochinenij / Daniil Harms. SPb. : Azbuka, Azbuka-Attikus, 2014. 736 s.
 12. Shmid V. Chto takoe «Peterburgskij tekst?» // Sushhestvuet li Peterburgskij tekst?: sb. st. / pod red. V. M. Markovicha, V. Shmida. Vyp. 4. SPb., 2005. S. 11.
-